

ДЕЯТЕЛЬНОСТНО-СЕМИОТИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ КУЛЬТУРЫ ВЯЧЕСЛАВА СТЕПИНА

Аннотация. В статье анализируются взгляды академика В.С. Степина на культуру, показано, что в совокупности они образуют стройную, фундаментальную теорию, вносящую крупный вклад в культурологическое знание. В трудах В.С. Степина возникает многомерная, обобщающая целостная «картина культуры». Культура рассматривается как система надбиологических программ деятельности, специфический способ кодирования социальной информации, система социальных и духовных программ. Особое значение имеет выделение В.С. Степиным универсалий культуры, понятых в качестве ее системообразующих оснований, при этом подчеркивается органическая взаимосвязь философских и культурологических категорий. Показано, что теория культуры В.С. Степина имеет большое теоретическое и практическое значение.

Ключевые слова: культурология, культура, надбиологические программы, человеческая деятельность, кодирование информации, культурные универсалии.

1. Выдающийся теоретик культуры

Академик В.С. Степин давно и широко известен во всем мире как выдающийся философ, мыслитель, ученый и организатор науки. Много лет он работает в Институте философии Российской академии наук, в настоящее время руководит секцией философии, социологии, психологии и права РАН. Об этом ученом написано немало и хорошо. Достаточно упомянуть, к примеру, книгу «Российская философия продолжается: из XX века в XXI»¹. И все же, как оказывается, написано недостаточно. Выскажу некоторые соображения об удивительном ракурсе, открывающемся при прочтении ряда его работ, затрагивающих проблематику культуры. Речь пойдет о теории культуры, созданной Вячеславом Семеновичем непреднамеренно, «между прочим», по ходу занятий основным своим делом — философией науки.

Сам автор был настолько далек от задачи создания целостной теории культуры, что даже не нашел времени системно изложить соответствующие теоретические положения, как бы «разбросав» их по разным своим публикациям. Между тем, на мой взгляд, теория культуры академика Степина, будучи собранной из его трудов, может представить со-

бой уникальный феномен российской науки конца XX — начала XXI века. Я бы предложил охарактеризовать ее как деятельностьно-семиотическую. Она обладает огромным потенциалом, поистине бесценна для современного понимания культуры и ведения фундаментальных и прикладных исследований, разработки и реализации культурной политики, культурных программ, профессиональной подготовки гуманитариев.

Характерно, что среди восьми центральных пунктов основных научных достижений, отмеченных профессором Х. Ленком при присвоении В.С. Степину титула почетного доктора философии университета г. Карлсруэ в 2000 году, теория культуры не значилась. Речь шла о концепции конструктивности научного познания, развитии куновской идеи парадигмы, анализе динамики ценностей и социального резонанса, учете системных аспектов научной теории, формировании картины мира, «постнеклассической» концепции науки. Последними в этом перечислении упоминались: осмысление проблемы «культурных универсалий» в техногенных цивилизациях и постановка вопроса о детерминированности человеческого развития «социальными генами». Однако эти два пункта, пусть и очень важные, фундаментальные, — всего лишь часть целостной теории культуры.

В 1992 г. (за 8 лет до выступления Ленка) в московском издательстве «Высшая школа» вы-

¹ Российская философия продолжается: из XX века в XXI / под ред. Б.И. Пружинина. М., 2010. 446 с.

ходит книга В.С. Степина «Философская антропология и философия науки»², в которой излагается большинство основных ее положений, где уже видна системность, целостность теории культуры. В конце 1990-х гг. Институт философии РАН под руководством академика Степина готовит к изданию Новую философскую энциклопедию³, удостоенную Государственной премии Российской Федерации в области науки и техники за 2003 год. Этот труд включает в себя написанную Вячеславом Семеновичем масштабную статью «Культура»⁴, содержательная, системная и стилистическая отточенность которой, по всей видимости, сделают ее в будущем классической для культурологии — новой отрасли социально-гуманитарного знания, завершающей в настоящее время свое самоопределение. Выход в свет энциклопедии предварялся в 1999 г. публикацией статьи «Культура» в журнале «Вопросы философии»⁵, призванной, по сути, апробировать взгляды В. С. Степина в кругу специалистов. Специалисты, однако, на это должным образом не отреагировали. Интересно, что в книге «История культурологии»⁶, выпущенной в 2006 году коллективом известных отечественных ученых — сотрудниками Института философии РАН (под редакцией профессора А.П. Огурцова), про теорию культуры Степина — ни слова. Его имя в данном труде упомянуто только в перечне персоналий редакционного совета серии в качестве председателя.

Итак, теория осталась на сегодняшний день недооцененной. Возможно, эта ситуация отчасти определяется позицией самого академика. В беседах со мной Вячеслав Семенович неоднократно утверждал: «В том, что я говорю о культуре, нет ничего нового. Об этом говорили и писали другие. Я только собрал все это вместе». С данным утверждением можно согласиться лишь отчасти. С таким же успехом можно было бы сказать, что Менделеев

«всего лишь» поставил в таблицу известные элементы или что Пушкин расставил известные нам слова в строчки, получив стихи.

Дело в том, что культура — исключительно, уникально сложный объект научного познания. Как известно, при максимально широком подходе под культурой понимается все, что создано руками и разумом человека за всю историю человечества. Существует огромное количество подходов к пониманию феномена культуры, теорий и концепций, интерпретирующих различные грани ее бытия. Одних определений культуры уже к середине прошлого века было выявлено и описано более 300. В наше время называется цифра 500⁷. Думается, что и это число может быть увеличено. Оно ограничено лишь желанием и трудолюбием исследователей. По мере исторического развития человечества непрерывно усложняются как структура культуры и динамика протекающих в ее эволюции процессов, так и набор теорий, описывающих различные стороны и аспекты картины культуры. Можно сказать, что одной из доминирующих тенденций развития различных отраслей социально-гуманитарного знания во второй половине XX в. стал культуроцентризм. Это выразилось и в том, что классические научные дисциплины становились все более «культурологичными», и в формировании культурологии как таковой.

Такое развитие событий вызвало к жизни потребность в создании некоей обобщающей теории, синтезирующей все, сделанное ранее многими поколениями философов и ученых. Мне представляется, что это — научная задача невероятного масштаба. Так вот: как бы ни относился к своим публикациям о культуре В.С. Степин, но данная задача им решена. Решена убедительно и изящно. Его теория — своего рода многомерная «картина культуры» в глубине и динамике ее исторического развития. Разумеется, картина далеко не детальная, но содержащая важнейшие, «узловые» элементы «конструкции», зримо и рационально сопрягающиеся и «работающие» в потоке времени.

В качестве шуточного отступления, напомним читателю известную притчу про изучение слона слепыми мудрецами: один прикоснулся к ноге, другой — к хоботу, третий подержался за хвост. В результате были сформулированы три совершенно различных взгляда на слона: слон похож на столб, змею и веревку. Полагаю, что теория академика

² Степин В.С. Философская антропология и философия науки. М., 1992. 191 с.

³ Новая философская энциклопедия: в 4-х тт. Т. 1-4 / Ин-т философии Рос. акад. наук, Нац. обществ.-науч. фонд; науч.-ред. совет.: В.С. Степин и др. М., 2010.

⁴ Степин В.С. Культура // Новая философская энциклопедия: в 4-х тт. Т. 2. Е-М / науч.-ред. совет.: В.С. Степин и др. М., 2010. С. 341-347.

⁵ Степин В.С. Культура // Вопросы философии. 1999. № 8. С. 61-71.

⁶ История культурологии: учебник / под ред. А.П. Огурцова. М., 2006. 383 с.

⁷ Кравченко А.И. Культурология: учеб. пособие для вузов. М., 2010. С. 11.

Степина позволяет увидеть культуру не со стороны «хвоста», более того, охватить ее взором в целом и в основном — пусть и в первом приближении. «Прорисовка» деталей — уже задача дальнейших исследований. Достоинство степинской теории — в том, что она предоставляет одновременно и надежную основу, и широкий простор для дальнейшего творческого поиска. Это — рациональная теория в самом высоком смысле рациональности.

Хочу обратить внимание читателя еще на два ее аспекта. Первый — простота изложения. Уже давно понятно, что избыточное наукообразие, перегруженность специальными терминами чаще всего призваны скрыть отсутствие значимого содержания. Настоящая, яркая теория в большинстве случаев может быть изложена просто. Работы академика о культуре не разочаровывают и в данном плане. И нам не может не импонировать их доступность даже для весьма молодого человека, только начинающего путь в науке.

Второй аспект: думаю, что настоящий ученый может получать удовольствие от культурологических работ академика неоднократно, перечитывая их по мере своего собственного развития. Вслед за студенческим удовольствием от восприятия текста трудолюбивый читатель может рассчитывать на аспирантское, доцентское, профессорское, а может быть, и большее удовольствие. Нельзя не обратить внимание на то, сколь естественно в степинской картине культуры обретают свое новое место, новое звучание Кант, Гегель, Маркс, Вебер, Риккерт, Кассирер, Данилевский, Сорокин, Тойнби, Шпенглер, Леви-Строс, Маклюэн, Лосев, Бахтин, Гуревич, Библер, Петров... Старые идеи, трудно совместимые взгляды на культуру, формировавшиеся под различными социально-историческими ракурсами, вдруг создают в совокупности новую палитру красок культуры, обнаруживают новые грани смыслов. Перечитывая работы Вячеслава Степина, невольно вспоминаешь великого советского физика Льва Ландау, который лично не совершил ни одного технического эксперимента. Он только читал публикации других людей. И на их основе построил свою теорию. Вот и теория культуры В.С. Степина продолжает замечательные традиции истории отечественной мысли, начиная с обобщения уже известного, но быстро переходя к научным трансформациям традиционных представлений, развитию их под новым углом зрения, открывая в итоге новое видение мира.

2. Понятие культуры

Академик Степин определяет культуру как «систему исторически развивающихся надбиологических программ человеческой жизнедеятельности (деятельности, поведения и общения), обеспечивающих воспроизводство и изменение социальной жизни во всех ее основных проявлениях»⁸. Ученый отмечает, что эти программы представлены в культуре многообразием знаний, норм, навыков, идеалов, образцов деятельности и поведения, идей, гипотез, верований, целей, ценностных ориентаций и т.д. Они образуют исторически накапливаемый социальный опыт. Культура — своего рода хранилище этого опыта, передающегося от поколения к поколению. В ней отмирают одни и зарождаются другие программы человеческой активности, которые, воплощаясь в жизнь социума, порождают реальные изменения.

Упомянем важнейшие этапы понимания культуры, как это видится в современной культурологии. Самый ранний — формирование представления о культуре как обо всем, что создано человеком; осмысление оппозиции «культура — природа». Следующий этап — осознание целостности культуры. Далее — постановка комплекса проблем, связанных, во-первых, с деятельностным характером бытия культуры, во-вторых, с ее ценностными аспектами, в-третьих, с особой ролью в культуре знаков, символов, образов. Примерно так видится историческое развитие теоретических представлений о культуре авторам многих весьма достойных вузовских учебников. В качестве примера упомяну одну из последних работ под редакцией моей коллеги по кафедре культурологии СПбГУП, профессора С. Н. Иконниковой и профессора В.П. Большакова⁹.

Думается, что степинское определение открывает четвертый этап. Строго говоря, определение Вячеслава Семеновича предоставляет специалистам и некоторый простор для полемики. Возможно, прав будет тот, кто заметит, что культура — нечто большее, чем система надбиологических программ, и что функции ее шире, чем обеспечение устойчивой жизнедеятельности социума и его развития. Но мне хотелось бы заострить внимание читателя на другом: степинское определение культуры открывает новый ракурс видения магистральных путей

⁸ Степин В.С. Культура // Вопросы философии. 1999. № 8. С. 61.

⁹ Теория культуры: учеб. пособие / ред. С.Н. Иконникова, В.П. Большаков. СПб., 2008. 591 с.

ее развития. С одной стороны, оно содержит сочетание достоинств деятельностного, ценностного и семиотического подходов к пониманию культуры, интегрирует в себе потенции этих подходов, с другой — носит диалектический характер. И, что особенно важно, данное определение изначально связывает бытие и развитие культуры с жизнедеятельностью социума, его воспроизводством и развитием.

Вместе с тем понимание В.С. Степиным культуры в своем генезисе антропоцентрично. В разработке своего понимания культуры ученый движется как бы «от человека», от его исторического развития. Это особенно хорошо видно в его книге «Философская антропология и философия науки».

В самом начале Вячеслав Семенович обращается к образной характеристике, данной Карлом Марксом освоенному человеком миру природных объектов, — «неорганическое тело человека». Отмечается, что такая характеристика является не просто метафорой. Она выражает понимание человека как существа, бытие которого определено его особой двухкомпонентной телесностью. Помимо биологического тела, человек производит и использует особые средства преобразования природы — «усилители» его естественных органов. В отличие от эволюции животных, которые приспособляются к внешней среде путем изменения своей биологической организации, человек изменяет и усложняет свое неорганическое тело. Таким образом, биологическая эволюция человека переходит в качественно иной тип эволюции — историю человечества. «Усилители человеческих органов» непрерывно совершенствуются, передаются от поколения к поколению, наследуются социально. Они образуют мир созданных человеком материальных предметов — систему, сложность которой повышается. Происходит переход на новые, более высокие уровни ее системной организации.

Бытие человека невозможно без постоянного использования им различных фрагментов своего «неорганического тела». Но это тело создано трудом многих людей и поколений. Оно развивается благодаря общественному разделению труда. Следовательно, используя в своей деятельности различные фрагменты «неорганического тела», человек тем самым соотносится с другими людьми, включается в систему общественного разделения труда, распределения и собственности. То есть отношение человека к объекту в процессе деятель-

ности всегда включает и его отношение к другому человеку. Человеческие отношения образуют вторую систему, также усложняющуюся по мере исторического развития.

Деятельность человека в этой системе структурирована и детерминирована, задается образцами и регулируется нормами. Этой деятельности обучают и обучаются. Образуется сеть жизненных коммуникаций индивидов, имеющая глубинную внутреннюю структуру. В ее фундаментальной основе — система отношений к средствам производства (формы собственности), продуктам производства и обмена (формы распределения), разделению общественного труда. Устойчивые и воспроизводящиеся социальные связи образуют внутреннюю организацию общества, формируя его различные подсистемы: большие и малые социальные группы (классы, нации, сословия, касты, семья, производственные коллективы, неформальные объединения и т. п.). Эта организация общества функционирует и воспроизводится благодаря управлению со стороны соответствующих социальных институтов.

Как известно, социальные связи людей основываются на биологических предпосылках, но не предопределены однозначно биологической природой человека. Они надстраиваются над биологическим базисом, во многом ограничивая и трансформируя его: «Чем выше восходит человек в своем историческом развитии по ступеням цивилизации, тем больше он поднимается над доминирующим влиянием непосредственных биологических стимулов регуляции своих отношений с другими людьми», — справедливо констатирует В.С. Степин, подводя читателя к своему пониманию различий и взаимосвязей природного, биологического и социального в общей картине мира.

Человек — деятельное существо, благодаря активности которого общество как целостный организм воспроизводится и изменяется. При этом основными формами человеческой активности выступают деятельность, поведение и общение. Поведение свойственно и животным, деятельность — только человеку. Общение — особый тип поведенческих реакций в процессе непосредственного взаимодействия людей.

Деятельность характеризуется наличием цели и направленности на преобразование объектов. В деятельности человек целенаправленно изменяет окружающий мир. Понимание В.С. Степиным деятельности базируется на классической фило-

софской, в том числе марксистской, традиции с учетом работ ведущих советских ученых 1970-1980-х гг. Наследуя деятельностную концепцию Гегеля и Маркса и ее разработки в отечественной философии (Г.П. Щедровицкий¹⁰, Э.Г. Юдин¹¹, А.Н. Леонтьев¹², Э.В. Ильенков¹³, Г.С. Батищев¹⁴ и др.), академик отмечает, что деятельность универсальна, в ней могут преобразовываться любые объекты — фрагменты природы, социальные институты, индивиды и состояния их сознания, знаковые объекты, фиксирующие те или иные феномены духовной жизни общества. Виды деятельности по их объектам и результатам можно условно разделить на два типа: материальную и духовную деятельность, каждая из которых реализуется в своей системе видов и подвидов. Отмечая, что многообразие проявлений общественной жизни реализуется через многообразие видов деятельности, Вячеслав Семенович адресует своего читателя к трудам Э.Г. Юдина и А.П. Огурцова¹⁵, много лет проработавшего на нашей кафедре культурологии профессора М.С. Кагана¹⁶, Л.П. Буевой¹⁷, В.А. Лекторского¹⁸, В.С. Швырева¹⁹. Следует также иметь в виду, что деятельность складывается из отдельных структурных единиц — элементарных актов деятельности. Их структура в общем виде описана в «Капитале» К. Маркса²⁰, в его анализе

труда «в простых и абстрактных моментах». В работах Г.П. Щедровицкого марксов анализ был представлен в виде наглядной схемы, которую использует В.С. Степин в своем анализе. Ученый отмечает, что любой элементарный акт деятельности осуществляется как взаимосвязь следующих компонентов: человека, обладающего целями, знаниями и навыками; операций целесообразной деятельности; объектов. Последние в свою очередь расчлняются на исходный материал, средства и продукты деятельности.

При этом субъекты деятельности во многом сами оказываются результатами предшествующей деятельности — обучения и воспитания. Таким образом, существование социума невозможно без воспроизводства необходимых ему видов и актов деятельности. Здесь, как полагает В.С. Степин, и возникает речь о необходимости способов взаимодействия субъекта деятельности, ее средств и преобразуемого объекта, встает вопрос о программах деятельности.

На первый взгляд, постановка этого вопроса, мягко говоря, совсем не нова. Экономическое и социально-культурное программирование в советское время было положено в основу жизнедеятельности государства. Некоторые считают, что все образование можно свести к реализации набора обучающих программ (хотя это, конечно, неверно). Мы знаем, что понятие «программирование» очень широко распространено в современном мире техники и информационных технологий. Но никто и никогда не ставил так четко и масштабно вопрос о роли программирования в культуре в целом, о программирующей функции самой культуры как целостности, как это сделал академик В.С. Степин. В чем здесь суть, от какой перестановки слов, постановки акцентов, изменения формулировок меняется смысл, открывается новое понимание культуры — надо еще поразмышлять. Но мне представляется очевидным, что Вячеслав Семенович, выводя слово «программа» с инструментальных задворков технологической сферы на авансцену формирования картины мира культуры, придает нашему видению этой картины новую глубину.

3. *Надбиологические программы деятельности*

Представление о надбиологических программах человеческой деятельности является одним из базовых для теоретических построений академика В. С. Степина. Истоки этого представления можно

¹⁰ Щедровицкий Г. П. Избранные труды = Selected works. М., 1995. 759 с.

¹¹ Юдин Э.Г. Методология науки. Системность. Деятельность. М., 1997. 444 с.

¹² Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность: учеб. пособие. М., 2005. 346 с.

¹³ Ильенков Э.В. Диалектическая логика: очерки истории и теории. М., 1984. 320 с.

¹⁴ Батищев Г.С. Введение в диалектику творчества. СПб., 1997. 463 с.

¹⁵ Огурцов А.П., Юдин Э.Г. Деятельность // БСЭ / гл. ред. А.М. Прохоров. М., 1972. Т. 8: Дебитор-Евкалипт. С. 180-181.

¹⁶ Каган М.С. Человеческая деятельность (опыт системного анализа). М., 1974. 328 с.

¹⁷ Буева Л.П. Человек: деятельность и общение. М., 1978. 216 с.

¹⁸ Лекторский В.А. Субъект. Объект. Познание. М., 1980. 359 с.

¹⁹ Швырев В.С. Научное познание как деятельность. М., 1984. 232 с.

²⁰ Маркс К. Капитал. Т. 1-3 // URL: <http://www.esperanto.mv.ru/Marksismo/Kapital1/index.html>; <http://www.esperanto.mv.ru/Marksismo/Kapital2/index.html>; <http://www.esperanto.mv.ru/Marksismo/Kapital3/index.html> (дата обращения: 05.12.2012).

выявить в работах классиков отечественной семиотической школы. Здесь следует вспомнить, что в трудах Ю.М. Лотмана дается определение культуры как «всей совокупности ненаследственной памяти информации, как общей памяти человечества или каких-либо более узких коллективов»²¹, а М.К. Петров пишет о роли знака в обеспечении социальной наследственности — как своего рода «социального гена»²².

Синтезируя деятельностный и семиотический подходы, Вячеслав Семенович существенно конкретизирует и развивает представления о культуре как о способе регулирования и реализации человеческой деятельности, а следовательно, как об особом аспекте социальной жизни, который заключается в порождении и трансляции (передаче от поколения к поколению) надбиологических программ активности людей.

Он задается, казалось бы, простым вопросом: что представляют собой программы человеческой деятельности, как они существуют, где находятся и как передаются от человека к человеку? И отвечает: «Очевидно, что носителем их должен быть сам человек, иначе он не сможет стать субъектом деятельности, поведения и общения. Но здесь мы сразу сталкиваемся с определенной загадкой. Ведь соответствующие программы не являются врожденными, не передаются через механизмы биологической наследственности. Если бы они передавались таким способом, то человек от рождения имел бы определенные навыки поведения, профессиональные умения и знания, позволяющие ему осуществлять определенные формы деятельности. Но все это человек обретает пожизненно, усваивая соответствующие программы поведения и деятельности в процессе обучения и воспитания. Получается, что сами эти программы должны как-то существовать вне отдельно взятого индивида и передаваться от человека к человеку, от одного поколения к другому». То есть эти программы должны одновременно существовать и в человеке, и вне его.

Это возможно постольку, поскольку в человеческой жизнедеятельности возникает особый внебиологический способ кодирования социально значимой информации, необходимой для общественной жизни.

²¹ Лотман Ю.М. Проблема знака и знаковой системы и типология русской культуры XI-XIX веков // Лотман Ю.М. Семиосфера. СПб., 2010. С. 400.

²² Петров М.К. Язык. Знак. Культура. М., 1991. 328 с.

В.С. Степин отмечает, что согласно современным версиям теории систем сложные исторически развивающиеся органические целостности должны внутри себя содержать особые информационные структуры, обеспечивающие управление системами, их саморегуляцию. Эти структуры представлены кодами, в соответствии с которыми воспроизводится организация системы как целого и особенности ее основных реакций на внешнюю среду. В биологических организмах эту роль выполняют генетические коды (ДНК, РНК). В обществе как целостном социальном организме аналогом генетических кодов выступает культура. Подобно тому, как управляемый генетическим кодом обмен веществ воспроизводит клетки и органы сложных организмов, различные виды деятельности поведения и общения людей, регулируемые кодами культуры, обеспечивают воспроизводство и развитие элементов, подсистем общества и их связей, характерных для каждого исторически конкретного вида социальной организации. Здесь речь идет и о «неорганическом теле» человека, и о социальных общностях и институтах, и о типах личностей, свойственных данному обществу.

Таким образом, наряду с биологическим, генетическим кодом, который закрепляет и передает от поколения к поколению биологические программы, у человека существует еще одна кодирующая система — социокод, посредством которого передается от человека к человеку, от поколения к поколению развивающийся массив социального опыта. В этом массиве — знания, навыки, умения, образцы деятельности, нормы, правила, ценности, мировоззренческие установки и прочее, что хранится в обществе, передается от поколения к поколению.

Можно сказать, что Вячеслав Семенович просто переносит на культуру (как целостность) подходы, давно существующие в технике и биологии. Они были там хорошо разработаны, только применялись узко. И сказать так будет верно. Но недостаточно. Дело в том, что этим «простым» переносом В.С. Степин создает новую методологию онтологизации мира культуры. Как только прозвучало слово «программа» — набор не совсем понятно как связанных между собою явлений начинает в нашем сознании по-иному сочетаться, образует новую иерархию и структуру, проявляет ранее невидимые или недостаточно изученные, зафиксированные взаимосвязи.

И в этот момент по-иному, с большей эффективностью начинают работать известные частные теории культуры — такие как семиотическая.

4. Кодирование социального опыта и коммуникация

Вячеслав Семенович обращает внимание на то, что условием хранения и трансляции социального опыта является его фиксация в знаковой форме, функционирование составляющих его элементов в качестве семиотических систем. В этом плане культура может быть рассмотрена как сложно организованный и изменяющийся набор таких систем. Хранение и трансляция в культуре многообразия надбиологических программ человеческой жизнедеятельности предполагают многообразие знаковых структур, закрепляющих и передающих постоянно обновляемый социальный опыт.

Как отмечает академик, наиболее древним способом кодирования этого опыта является функционирование людей в качестве семиотических систем, когда их действия и поступки становятся образцами для других. Родители для ребенка; учителя, демонстрирующие ученикам приемы деятельности; лидеры, выступающие объектами подражания для других людей, — все они выполняют функцию знаковых систем, транслирующих программы поведения, общения и деятельности. Знаковой системой, программирующей действия и поступки людей, может выступать и символика человеческого тела: позы, жесты, мимика и т.п.

Обратим внимание: именно на этом способе кодирования во многом основывается образование. Вспоминается, к примеру, высказывание выдающегося русского педагога К.Д. Ушинского о том, что важнейшим средством влияния на ученика является личность педагога. В этом же способе кодирования социально-значимой информации — секрет огромного влияния на массовую аудиторию сначала кинематографа, а затем и телевидения. При наблюдении за деятельностью других людей мы подсознательно получаем так называемое «невное знание»²³.

Одним из важнейших видов социокодов, регулирующих человеческую жизнедеятельность, является естественный язык. Как справедливо констатирует ученый, язык не только позволяет описывать и транслировать человеческий опыт, но и создает новый опыт в процессе коммуникации. Структура языка формирует «определенный образ мира, способ фрагментации и синтеза его объ-

ектов». Язык, как и пластика человеческого тела, способен выразить ценностно-эмоциональное отношение к миру, программируя переживание другими людьми тех или иных жизненных обстоятельств и реакцию на них. В этот ряд средств генерации и передачи социального опыта В.С. Степин помещает языки искусства: живописи, музыки, архитектуры и т. п.; язык науки; а также различные конвенциональные наборы сигналов и символов, регулирующие поступки и действия людей. Все они могут быть рассмотрены как особые семиотические системы, обеспечивающие воспроизводство и развитие общества. Предметы созданного человеком «неорганического тела цивилизации» также могут функционировать в качестве знаков.

В связи с этим развитие культуры можно представить и как выработку нового социального опыта, и как формирование новых кодовых систем, запечатляющих этот опыт, и как создание новых систем его трансляции — систем коммуникации. Ссылаясь на работы М.К. Петрова и канадского исследователя М. Маклюэна, Вячеслав Семенович подчеркивает связь между развитием систем кодирования социального опыта и ступенями цивилизационного прогресса. М. Маклюэн выделял в качестве таковых дописьменные общества, возникновение письменности, книгопечатание, появление радио и телевидения. Сегодня, как отмечает Степин, этот ряд продолжен компьютерной стадией развития цивилизации. В качестве отступления отметим, что многие видные теоретики культуры считают работы Маклюэна²⁴ принципиальными для вычленения исторических этапов развития культуры.

По мнению В. С. Степина, принципиально важно, что «появление новых способов кодирования закрепляет изменения характера коммуникаций и способов включения индивида в социальные связи, а, следовательно, участвует в определении тех границ, в которых варьируются те или иные формы социального поведения и деятельности». Например, появление письменности повлекло за собой судопроизводство, опирающееся на кодексы законов и прецеденты. Возникновение компьютерных технологий привело к резкому увеличению доступного индивиду объема социального опыта, а Интернет породил новые формы коммуникации, изменил общую структуру социальных групп и институтов.

²³ Куда идет российская культура?: круглый стол, 27-28 июня 2009 г. / науч. ред. В.С. Степин, А.С. Запесоцкий. СПб, 2010. 146 с. С. 9.

²⁴ Маклюэн М. Галактика Гутенберга: становление человека печатающего. М., 2005. 495 с.

5. Культура как система программ

Развитие общества влечет за собой формирование новых видов активности людей, что, в свою очередь, обуславливает появление соответствующих программ, изложенных новыми кодами культуры. В связи с этим ученый отмечает возможность интерпретации процесса исторического развития человечества как дифференциации ранее синкретических программ, возникновения усложняющейся координации и субординации программ человеческой активности.

Аналогичным образом он предлагает рассматривать и выделение самостоятельных областей духовной деятельности: генерация новых смыслов и значений, выступающих опосредующими и порождающими структурами по отношению к программам конкретных видов практики, создала новые сферы жизни человека. Речь идет о «ценностях, санкционирующих тот или иной вид деятельности; целях как предварительных идеальных образах продуктов деятельности; знаниях, навыках и умениях, которыми должен овладеть субъект, чтобы, воздействуя на преобразуемый объект, получить продукт, соответствующий поставленной цели»²⁵. Так исторически возникают различные, относительно самостоятельные сферы духовной культуры — религия, искусство, мораль, наука, политическое и правовое сознание и так далее, которые взаимодействуют между собой и оказывают регулирующее воздействие на повседневную жизнь людей.

Таким образом, отмечает академик, «в ходе исторического развития общества постепенно формируется сложная иерархия программ деятельности, поведения и общения, представленных различными социокодами, которые непосредственно или опосредованно управляют поступками и действиями людей»²⁶.

В сложном, исторически развивающемся многообразии надбиологических программ Вячеслав Семенович выделяет три уровня, своего рода три временных пласта. Первый — это «реликтовые программы», осколки прошлых культур, которые живут и в современном мире, оказывая на человека определенное воздействие. Люди часто бессознательно действуют в соответствии с программами,

которые сложились еще в первобытную эпоху и утратили свою практическую ценность. Сюда относятся многие суеверия, табу. Второй уровень — слой современных по содержанию программ, созвучных эпохе, обеспечивающих воспроизводство сегодняшнего типа общества. Третий — программы, адресованные в будущее, как бы опережающие свое время, свою эпоху.

Образцами программ будущей деятельности ученый называет: вырабатываемое в науке теоретическое знание, вызывающее перевороты в технике и технологии последующих эпох; идеалы будущего социального устройства, которые еще не стали господствующей идеологией; новые нравственные принципы, возникающие в рамках философско-этических учений и часто опережающие свой век: «Чем динамичнее общество, тем большую ценность обретает этот уровень культурного творчества, адресованный к будущему. В современных обществах его динамика во многом обеспечивается деятельностью особого социального слоя людей — творческой интеллигенции, которая по своему социальному предназначению должна постоянно генерировать культурные инновации»²⁷.

Интеллигенция становится носителем «генетического кода» культуры нашего времени, само ее существование неразрывно сопряжено с базовыми ценностями этого кода — наукой, свободой мысли, творчеством, новациями. Академик полагает, что техногенная цивилизация, возникшая на Западе с эпохи Ренессанса, тщательно культивирует этот пласт: «Идеи, которые адресованы будущему, формируют особый слой людей, которые только ими и занимаются, и публика эта называется <...> интеллигенцией. Ее задача — изобретать программы на будущее». Развивая эту точку зрения, В.С. Степин обращается к работам эстонского академика советского времени Г.И. Наана: «В обществе должно быть, как в организме, два механизма. Один механизм, который воспроизводит социальную жизнь и определяет устойчивость, охраняет уже сложившиеся нормы — это бюрократия. Механизм, который обеспечивает развитие, движение вперед, заготавливает программы будущей жизнедеятельности — это <...> интеллигенция. И всегда между ними есть борьба. По функциям они разделены»²⁸. Ростки для будущего, закладываемые интеллигенцией, могут быть незаметны современникам, не

²⁵ Степин В.С. Культура // Новая философская энциклопедия: в 4-х тт. Т. 2. Е-М / науч.-ред. совет.: В.С. Степин и др. М., 2010. С. 343.

²⁶ Степин В.С. Культура // Вопросы философии. 1999. № 8. С. 65.

²⁷ Там же.

²⁸ Запесоцкий А.С. О роли интеллигенции в жизни страны // Вестник Европы. 2009. Т. XXVI-XXVII. С. 248.

попадать в фокус их внимания, но они составляют важнейший пласт культуры.

Проблематика интеллигенции являлась в последние годы предметом наших дискуссий с Вячеславом Семеновичем. Дело в том, что исследования нашего Университета побудили вкладывать в понятие «интеллигенция» несколько иной смысл, нежели это делает Вячеслав Семенович²⁹. По нашему мнению, в задачи интеллигенции входит не только сотворение нового, но и сохранение и передача базовых ценностей культуры (то есть ее функции, на наш взгляд, шире)³⁰. Кроме того, во внедрении новаций участвуют и иные социально-демографические группы населения, и государственные структуры, и др.³¹

Нужно сказать, что в своих последних работах В.С. Степин уточнил прежние взгляды. В частности, на круглом столе «Куда идет российская культура?», проведенном нашим Университетом, он акцентировал следующие аспекты проблемы³². Во-первых, интеллигенция возникает как социальный слой только в обществе «проекта модерн», в котором, в отличие от традиционалистских обществ, инновации и творчество имеют особую ценность. Во-вторых, нацеленность на инновации, творчество становится новой традицией культуры, и эту традицию интеллигенция отстаивает и оберегает. Наконец, в-третьих, инновации, даже адресованные отдаленному будущему, могут быть востребованы культурой, если они не разрушают сами основы человеческой социальности, общечеловеческие и нравственные ориентиры, которые конкретизируются по-разному в различных культурах. Поэтому, отстаивая ценность творчества, порождающего новые состояния культуры, интеллигенция одновременно оберегает глубинные нравственные основания социальной жизни. Этим подлинный интеллигент отличается от просто интеллектуала.

В процессе исторического развития общества и культуры отдельные элементы и проекты будущих программ деятельности могут реализовываться,

переходить из третьего на второй уровень культурных образований, становясь реальными участниками новых видов активности, порождая соответствующие изменения в жизни общества. В свою очередь программы второго уровня могут утрачивать свою социальную ценность и превращаться в реликтовые образования, выпадать из потока культурной трансляции. Многообразие культурных феноменов всех уровней, несмотря на их динамичность и относительную самостоятельность, организовано в целостную систему.

Последние 20 лет мы видим, как российская власть, осуществляя демонтаж советской культуры, с помощью СМИ ее «взламывает», разрушая целостность путем использования различных культурных элементов, признанных негодными и ранее отброшенными человечеством в ходе развития цивилизации. Этими элементами заменяются прежние, ответственные за системную целостность³³.

6. Универсалии — системообразующие основания культуры

Культурные универсалии — еще одно ключевое понятие теории академика В. С. Степина. Если культура — самоорганизующаяся историческая система, то она не может состоять из равноценных по системообразующим свойствам элементов, феноменов, пластов. Какие-то должны быть более важными, ключевыми; «отбирающими» и «выстраивающими» в систему все остальные. Одни элементы в системе можно изменить на качественно иные без сколько-нибудь заметного изменения ее свойств, замена других влечет за собой трансформацию, третьих — разрушение. Ключевые, системообразующие элементы можно называть фундаментальными, основополагающими, базовыми, узловыми, составляющими ядро — применительно к сегодняшнему разговору суть от этого не меняется.

Что же в культуре является системообразующим? История культурологии содержит множество попыток ответов на этот вопрос. Собственно каждый из них открывает соответствующие возможности классификации культур (см., например³⁴).

²⁹ Запесоцкий А.С. Культурология Дмитрия Лихачева. СПб., 2007. 528 с.

³⁰ Запесоцкий А.С. О роли интеллигенции в жизни страны // Вестник Европы. 2009. Т. XXVI-XXVII. С. 239-250.

³¹ Запесоцкий А.С. Традиции и новации в культуре молодежи // Стиль и традиции в развитии культуры. Л., 1989. С. 86-93.

³² Куда идет российская культура?: круглый стол, 27–28 июня 2009 г. / науч. ред. В.С. Степин, А.С. Запесоцкий. СПб., 2010. 146 с.

³³ Запесоцкий А.С. Метаморфозы СМИ: новое качество или новые болезни // Социологические исследования. 2010. № 7. С. 7-17.

³⁴ История культурологии: учебник / под ред. А.П. Огурцова. М., 2006. 383 с.

В.С. Степин утверждает, что ключевое понятие — это универсалии культуры (их также именуют категориями культуры, идеями, концептами): «Системообразующим фактором выступают предельные основания каждой исторически определенной культуры. Они представлены мировоззренческими универсалиями (категориями культуры), которые в своем взаимодействии создают целостный обобщенный образ человеческого мира». Вячеслав Семенович в своей блистательной лекции, прочитанной в нашем Университете 22 мая 1998 г., рассматривает понятие универсалий культуры как главное в понимании сущности философии и ее социальных функций. Лекция так и называется: «Философия и универсалии культуры»³⁵.

В ней академик обращает внимание на то, что многообразие программ человеческой активности, несмотря на свою сложность и динамичность, системно организовано: «Например, Шпенглер писал, что существует некая неуловимая связь между скульптурой Поликлета, греческой архитектурой, античной наукой и способом решения дел на народном собрании. Есть единство, некая целостность культурной жизни. Возникает вопрос: что обеспечивает эту целостность? Ответ на него такой: эту целостность обеспечивают универсалии культуры, выступающие как системообразующее основание каждого конкретного типа культуры»³⁶. Позднее в Новой философской энциклопедии В.С. Степин³⁷ публикует краткий, но замечательный очерк истории вызревания представлений об универсалиях культуры в философских учениях прошлого.

Академик упоминает мир идей Платона, кантовскую концепцию априорных форм сознания, учение Гегеля³⁸ о категориях как ступенях развития абсолютной идеи, интерпретируя все это как «своеобразные вехи осмысления свойств и связей универсалий культуры». Он замечает, что присутствующий европейской культурной традиции акцент на рациональных способах постижения мира был выражен здесь в форме своеобразной редукции

универсалий к их логико-понятийному аспекту. В дальнейшем развитии западной философии эта односторонность преодолевалась путем включения в философский анализ понимания и переживания мира как фундаментальных характеристик категориальных структур сознания. Вячеслав Семенович ссылается при иллюстрации этого тезиса на Ф. Ницше³⁹, С. Кьеркегора⁴⁰, М. Хайдеггера⁴¹.

Заметим также, что в отечественной науке идеи, связанные с универсалиями культуры, развивались известным историком Средневековья А.Я. Гуревичем⁴². Его работы также использованы В.С. Степиным в разрабатываемой концепции мировоззренческих универсалий.

Для человека, сформированного соответствующей культурой, смыслы ее универсалий чаще всего выступают как нечто само собой разумеющееся, как презумпции, в соответствии с которыми он строит свою жизнедеятельность. Смыслы универсалий культуры, образующих в своих связях категориальную модель мира, проявляются во всех областях культуры любого исторического типа. Академик констатирует, что эта особенность «обнаруживается, хотя и в неадекватной форме, в ряде систем объективного идеализма. Например, в системе Гегеля категории, выступающие ступенями развития абсолютного духа, затем рассматриваются как определяющие логику развития всех областей духовной жизни общества — религии, философии, искусства, науки, морали, правового сознания и т.п.»⁴³.

В последнее время системообразующая функция универсалий культуры выявлялась исследователями при обращении к проблематике органической целостности культуры. Например, Шпенглер на многочисленных образцах различных культур отмечал связь, которую он именовал физиогномикой и стилем культуры, подчеркивая, что этот стиль проявляется в любом феномене культуры: архитектуре, орнаменте, письме, характере политической и хозяйственной деятельности, в религиозных культурах и науке, музыке и неписанных правилах общения и т.д. Сходную концепцию

³⁵ Степин В.С. Философия и универсалии культуры. СПб., 2000. 20 с.

³⁶ Там же. С. 10

³⁷ Степин В.С. Культура // Новая философская энциклопедия: в 4-х тт. Т. 2. Е-М / науч.-ред. совет.: В.С. Степин и др. М., 2010. С. 341-347.

³⁸ Гегель Г.Ф.В. Сочинения: в 4-х тт. М., 1959. Т. 4: Система наук. Ч. 1: Феноменология духа. 440 с.

³⁹ Ницше Ф. Сочинения: в 2-х тт. М., 1990.

⁴⁰ Кьеркегор С. Страх и трепет: этич. трактаты. М., 1998. 383 с.

⁴¹ Хайдеггер М. Время и бытие. М., 1993. 447 с.

⁴² Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. М., 1984. 350 с.

⁴³ Степин В.С. Культура // Новая философская энциклопедия: в 4-х тт. Т. 2. Е-М / науч.-ред. совет.: В.С. Степин и др. М., 2010. С. 345.

органической целостности культур разрабатывали Малиновский и Рэдклифф-Браун⁴⁴.

Специалисты из разных областей социально-гуманитарного знания при анализе в синхронном срезе различных этапов развития науки, искусства, политического и нравственного сознания отмечали резонанс различных сфер культуры в период формирования новых идей, имеющих мировоззренческий смысл. Здесь Вячеслав Семенович упоминает кроме О. Шпенглера⁴⁵ также Э. Кассирера⁴⁶, А. Тойнби⁴⁷, Н. Данилевского⁴⁸, А.Ф. Лосева⁴⁹, М.М. Бахтина⁵⁰. Этот резонанс прослеживается не только в традиционных культурах, но и в современной, где различные области культуры обладают относительной самостоятельностью. В связи с этим академик приводит в качестве примеров своеобразный резонанс между идеями теории относительности в науке и идеями лингвистического авангарда 1870-1880-х годов Й. Винтелера, формированием новой художественной концепции мира в импрессионизме и постимпрессионизме, способами описания и осмысления человеческих ситуаций. В качестве примера упоминаются и отмеченные М. Бахтиным особенности «полифонического романа» Ф.М. Достоевского. Имеется в виду, что сознание автора, его духовный мир и мировоззренческая концепция не стоят над духовными мирами его героев, описывая их из некоей абсолютной системы координат, а существуют с этими мирами и вступают с ними в равноправный диалог.

По Степину, понятие универсалий имеет в теории культуры собственное, иное, самостоятельное по отношению к философскому содержанию. Для него принципиально, что «универсалии культуры не тождественны философским категориям»⁵¹. Бо-

лее того, философские категории для него вторичны в том смысле, что они выражают, отражают и продолжают категории культуры. Последние являются как бы базовыми. Ученый и называет их «базисными». Характерно, что в статье «Философия» в Новой философской энциклопедии В.С. Степин называет философию рефлексией над основаниями культуры⁵². В лекции, прочитанной в стенах нашего Университета 12 лет назад, он говорит о том, что универсалии культуры «существуют и в таких культурах, где нет философского знания, где оно еще не возникло. Они могут присутствовать и в сознании ребенка, который начинает познавать мир. Есть такой период, когда он постигает, например, категорию причинности. У ребенка идет сложнейшая работа сознания, он отделяет причинные связи от того, что является простой последовательностью событий во времени, осваивает исторический опыт в этой категориальной форме, и можно сказать, что он осваивает категории культуры, но, конечно же, не философские категории»⁵³.

Представления о том, что такое природа, причинность и тому подобное, есть у любого человека, обладающего обыденным жизненным опытом. Когда его спросят о том, что такое пространство, что такое время, он не обязательно даст определения, но достаточно хорошо понимает, что это такое, чтобы ориентироваться в жизни: «Категории культуры, или универсалии культуры, представляют собой, с этой точки зрения, некоторые схематизмы, посредством которых фиксируется человеческий опыт»⁵⁴.

Позднее, оттачивая данный раздел своей теории, ученый пишет, что универсалии — это категории, которые аккумулируют исторически накопленный социальный опыт и в системе которых человек определенной культуры оценивает, осмысливает и переживает мир, сводит в целостность все явления действительности, попадающие в сферу его опыта. Категориальные структуры, обеспечивающие рубрификацию и систематизацию человеческого опыта, давно изучает философия. Но она исследует их в специфическом виде — как предельные общие понятия. В реальной жизни культуры они выступают не только как формы рационального мышления, но и как схематизмы,

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ Шпенглер О. Закат Европы: очерки морфологии мировой истории. Т. 1: Гештальт и действительность. М., 1993. 667 с.

⁴⁶ Кассирер Э. Опыт о человеке: введение в философию человеческой культуры // Проблема человека в западной философии: сб. / общ. ред. Ю.Н. Попова. М., 1988. С. 3-30.

⁴⁷ Тойнби А. Дж. Постигание истории. М., 2002. 640 с.

⁴⁸ Данилевский Н.Я. Россия и Европа: Взгляд на культурные и политические отношения Славянского мира к Германско-Романскому. М., 2003. 639 с.

⁴⁹ Лосев А.Ф. Проблема символа и реалистическое искусство. М., 1976. 367 с.

⁵⁰ Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. Киев, 1994.

⁵¹ Степин В.С. Философия и универсалии культуры. СПб., 2000. С. 11.

⁵² Степин В.С. Философия // Новая философская энциклопедия: в 4-х тт. Т. 4. Т-Я. М., 2010. С. 195-200.

⁵³ Степин В.С. Философия и универсалии культуры. СПб., 2000. С. 11.

⁵⁴ Там же.

определяющие человеческое восприятие мира, его понимание и переживание. Их не следует отождествлять с философскими категориями, которые возникают как результат рефлексии над универсалиями культуры. Но мировоззренческие универсалии могут функционировать и развиваться и вне философской рефлексии. Они были присущи и тем культурам, в которых не сложились более или менее развитые формы философского знания, таким как Древний Египет и Вавилон.

К существеннейшему вкладу Вячеслава Семеновича в культурологию следует отнести выделение им двух больших и связанных между собой блоков универсалий культуры. К первому академик относит категории, фиксирующие наиболее общие, атрибутивные характеристики объектов, включаемых в человеческую деятельность. Они выступают в качестве базисных структур человеческого сознания и носят универсальный характер, поскольку любые объекты (природные и социальные), в том числе и знаковые объекты мышления, могут стать предметами деятельности. Их атрибутивные характеристики фиксируются в категориях: «пространство», «время», «движение», «вещь», «отношение», «количество», «качество», «мера», «содержание», «причинность», «случайность», «необходимость» и т.д.

Но кроме них в историческом развитии культуры формируются и функционируют особые типы категорий, посредством которых выражены определения человека как субъекта деятельности, структуры его общения, его отношения к другим людям и обществу в целом, к целям и ценностям социальной жизни. Они образуют второй блок универсалий культуры, к которому относятся категории: «человек», «общество», «сознание», «добро», «зло», «красота», «вера», «надежда», «долг», «совесть», «справедливость», «свобода» и т.п. Эти категории фиксируют в наиболее общей форме исторически накапливаемый опыт включения индивида в систему социальных отношений и коммуникаций.

Академик подчеркивает, что между указанными блоками универсалий культуры «всегда имеется взаимная корреляция, которая выражает связи между субъект-объектными и субъект-субъектными отношениями человеческой жизнедеятельности. Поэтому универсалии культуры возникают, развиваются и функционируют как целостная система, где каждый элемент прямо или косвенно связан с другими». Он отмечает, что в системе универсалий культуры выражены наиболее общие

представления об основных компонентах и сторонах человеческой жизнедеятельности, о месте человека в мире, социальных отношениях, духовной жизни и ценностях человечества, о природе и организации объектов человеческой деятельности и т.д. Эти представления «выступают в качестве своего рода глубинных программ социальной жизни, которые предопределяют сцепление, воспроизводство и вариации всего многообразия более конкретных программ поведения, общения и деятельности, характерных для определенного типа социальной организации».

В универсалиях культуры можно выделить «своеобразный инвариант, некоторое абстрактное всеобщее содержание, свойственное различным типам культур и образующее глубинные структуры человеческого сознания»⁵⁵. Но этот слой содержания не существует в чистом виде. Он всегда соединен со специфическими смыслами, присущими культуре исторически определенного типа общества, которые выражают особенности способов общения и деятельности людей, хранения и передачи социального опыта, особенности принятой в нем шкалы ценностей.

Именно эти смыслы характеризуют национальные и этнические особенности каждой культуры, свойственное ей понимание пространства и времени, добра и зла, жизни и смерти и отношение к природе, труду, личности и т. д. Они определяют специфику различных культур. В свою очередь исторически особенное в универсалиях культуры всегда конкретизируется в огромном многообразии групповых и индивидуальных мировосприятий и переживаний.

Разумеется, и перечень блоков, и перечень универсалий, входящих в них, в интерпретации академика вряд ли можно считать исчерпывающим и окончательным. К примеру, интересно проанализировать с этих позиций отношение в разных культурах к категориям «огонь», «вода» и т.д. Польский социолог Ян Щепаньский в середине прошлого века обращал внимание на роль в культуре таких изобретений, как лук и колесо, вокруг которых складывались целые культурные комплексы⁵⁶. В конце 1980-х годов, исследуя феномены молодежной культуры, я обнаружил существова-

⁵⁵ Степин В.С. Культура // Новая философская энциклопедия: в 4-х тт. Т. 2. Е-М / науч.-ред. совет.: В.С. Степин и др. М., 2010. С. 344.

⁵⁶ Щепаньский Я. Элементарные понятия социологии. М., 1969. 242 с.

ние в ней своего рода «точек кристаллизации» — специфического сленга, элементов внешнего вида, мест локализации общностей и определенных музыкальных жанров⁵⁷. И в связи с этим, видимо, возможно говорить о третьем блоке универсалий — более локального характера, универсалий, образующих различные социокультурные сообщества. Я полагаю, что здесь открываются возможности для развития целого научного направления, исследующего «сращивание» культурного и социального пластов общественного развития.

Расширяя наши представления о механизмах бытия культуры, академик В. С. Степин отмечает, что универсалии культуры одновременно выполняют по меньшей мере три взаимосвязанные функции в человеческой жизнедеятельности. Во-первых, они обеспечивают своеобразную квантификацию и сортировку многообразного, исторически изменчивого социального опыта. Этот опыт человек оценивает и относит к тем или иным рубрикам соответственно смыслам универсалий культуры, стягивает в своем сознании в своеобразные кластеры. Благодаря такой «категориальной упаковке» он включается в процесс трансляции и передается от человека к человеку, от одного поколения к другому. Во-вторых, универсалии культуры выступают базисной структурой человеческого сознания в каждую конкретную историческую эпоху. В-третьих, взаимосвязь универсалий образует в сознании людей обобщенную картину мира — то, что принято называть мировоззрением эпохи. Эта картина, выражая общие представления о человеке и окружающей его реальности, вводит определенную шкалу ценностей, принятую в данном типе культуры, и поэтому определяет не только осмысление, но и эмоциональное переживание мира человеком.

Смыслы универсалий культуры в процессе социализации усваиваются индивидом, определяя контуры его индивидуального понимания мира, его поступков и действий. На уровне группового и индивидуального сознания смыслы универсалий культуры конкретизируются с учетом групповых и индивидуальных ценностей. Причем даже в устойчивых состояниях социальной жизни универсалии культуры могут допускать широкий спектр конкретизаций, дополняться ценностями иных по интересам социальных групп и не утрачивать при этом своих основных смыслов. В свою очередь сте-

реотипы группового сознания специфически преломляются в сознании каждого индивида: «Люди всегда вкладывают в универсалии культуры свой личностный смысл соответственно накопленному жизненному опыту. В результате в их сознании картина человеческого мира обретает личностную окраску и выступает в качестве индивидуального мировоззрения»⁵⁸.

Изложенная концепция универсалий имеет колоссальное значение не только для теоретической, но и для прикладной культурологии. Проанализируйте апелляцию к культурным универсалиям в выступлениях политических лидеров любой страны в любую эпоху — и вы получите своего рода срез представлений этих лидеров (или авторов их текстов) о культурном облике своей аудитории. И наоборот: имея более четкое представление об актуальных универсалиях культуры, можно улучшить работу политических институтов социума. Проанализируйте сегодняшние программы федеральных каналов центрального телевидения с точки зрения смысла универсалий, навязываемых населению — и вы легко спрогнозируете грядущие трансформации российской культуры. Сегодня Дмитрий Медведев, говоря о проектах многих законодательных актов, предлагает «просчитать их коррупционную ёмкость». Но можно ведь изучить те или иные системы законодательных актов с точки зрения утверждения ими различных универсалий в жизни общества. В зависимости от целей исследования мы можем увидеть, и как одни законы меняют культуру, и как другие не срабатывают, приходя в противоречие с нею. Я, как ректор, могу попытаться разобраться в том, какие универсалии культуры и как укоренены в личностной структуре каждого очередного поколения первокурсников, и за последующие пять лет попытаться в соответствии с педагогическими целями и задачами Университета поработать над дальнейшим формированием культуры студентов. Это — всего лишь некоторые из примеров возможного практического применения идей Вячеслава Семеновича.

7. Культурная преемственность

Процессы культурной преемственности — едва ли не самая излюбленная проблематика исследований ученых-гуманитариев последнего столетия.

⁵⁷ Запесоцкий А.С., Файн А.П. Эта непонятная молодежь: проблемы неформальных объединений. М., 1990. 224 с.

⁵⁸ Степин В.С. Культура // Новая философская энциклопедия: в 4-х тт. Т. 2. Е-М / науч.-ред. совет.: В.С. Степин и др. М., 2010. С. 344.

Насколько известно, академик В.С. Степин специально ею не занимался. Но его теория культуры носит системный, целостный характер. И интересно посмотреть, как в ней интерпретируются процессы культурной преемственности.

В этом плане Вячеслав Семенович отмечает, что в качестве социального индивида человек является творением культуры, становится личностью только благодаря усвоению транслируемого в культуре социального опыта в процессе социализации, обучения и воспитания. В этом процессе происходит сложная «состыковка» биологических программ, характеризующих индивидуальную наследственность, и надбиологических программ активности, составляющих своего рода социальную наследственность. В качестве примеров действия биологических программ приводятся проявления инстинктов питания, самосохранения, полового влечения. Отмечается, что у человека, прошедшего процесс социализации и воспитания, эти проявления осуществляются в формах, предписываемых той или иной культурой. Многие возможные проявления биологических программ запрещаются культурой. Эти запреты обладают различной степенью жесткости и могут сопровождаться репрессивными санкциями. Культура «табуирует» многие желания и мотивы, связанные со свободным проявлением животных инстинктов, воспитывая и формируя человека с раннего детства.

Сложности «состыковки» биологических и социальных программ человеческой жизнедеятельности порождают многочисленные проблемы: «В концепции З. Фрейда и в целом в психоанализе была выделена особая область таких проблем, связанная с возможностью появления под влиянием запретов культуры психических травм, подсознательных комплексов и так далее, проявляющихся затем в поступках и действиях людей. В процессе освоения культуры индивидом и формирования его личности смыслы и значения, представленные социокодами, лишь частично осознаются человеком, а частично он воспринимает накопленный социальный опыт бессознательно, ориентируясь на образцы поступков и действий других людей, на предъявляемые ему воспитанием социальные роли». Желающим разобраться в этих вопросах более обстоятельно Вячеслав Семенович рекомендует работу З. Фрейда «Психология бессознательного»⁵⁹. Интересно, что, по мнению В.С. Степина, культура включает в свой состав помимо сознательного также социально

бессознательное, которое принадлежит не к биологическому, а к социальному наследованию.

Существует достаточно много конкретных регуляторов поведения и общения, не осознаваемых людьми, но выступающих как феномены культуры. В качестве примера ученый приводит один из реализуемых в человеческом общении культурных кодов — пространственную дистанцию между общающимися индивидами. В разных культурах она различна: «У колумбийцев и мексиканцев наиболее комфортная дистанция между двумя индивидами в процессе общения около полуметра, у европейцев и североамериканцев она вдвое больше. Иногда при общении представителей европейских и южноамериканских культур возникают недоразумения: один отодвигается, чтобы обрести комфортную дистанцию общения, другой воспринимает это как проявление высокомерия»⁶⁰.

Неосознанными могут быть не только отдельные конкретные программы поведения и общения, но и базисные смыслы и ценности, выраженные системой мировоззренческих универсалий. К примеру, различное понимание добра и зла, справедливости и свободы и тому подобного может приводить к различным и даже полярным неосознанным реакциям на одни и те же события у представителей разных культур.

В связи с этим Вячеслав Семенович адресует нас к работам К. Юнга, характеризовавшего бессознательные компоненты фундаментальных ценностей культуры как архетипы (бессознательные коллективные переживания), которые могут длительное время существовать как надличностные психические образования, управляющие индивидуальной психикой⁶¹. Программирование культурой индивидуальной психики обладает различной степенью принудительности в различных типах культуры. В архаических и традиционных обществах многие программы деятельности, поведения и общения выступают как ритуал и жесткая норма, имеющая принудительный характер предписания. В современных демократических обществах культура допускает значительно большую вариативность действий и поступков индивидов, их свободу в принятии решений, очерчивая лишь общие рамки деятельности.

Тип культуры, ее базисные ценности определяют, какие формы солидарности индивидов и их

⁵⁹ Фрейд З. Психология бессознательного. СПб., 2004. 400 с.

⁶⁰ Степин В.С. Культура // Новая философская энциклопедия: в 4-х тт. Т. 2. Е-М / науч.-ред. совет.: В.С. Степин и др. М., 2010. С. 345.

⁶¹ Юнг К. Человек и его символы. М., 1997. 367 с.

коллективных связей существуют и воспроизводятся в общественной жизни. Базисные ценности, представленные универсалиями культуры, и опирающееся на них многообразие образцов поведения, социальных ролей, знаний, норм и так далее при их усвоении личностью определяет ее самоидентификацию, ее самооценку как принадлежащей к некоторой социальной общности.

На первый взгляд в таком понимании культурной преемственности нет ничего «революционного». Однако в целом теория культуры В.С. Степина все же приводит нас к новому, качественно отличающемуся от прежнего пониманию. Это касается прежде всего роли и сопряжения различных факторов и социальных институтов, влияющих на становление личности. Данная теория потенциально имеет широкие перспективы применения при реализации государственной культурно-образовательной политики. Об этом мною говорилось в докладе «Культурология и педагогика: проблемы взаимосвязи» на заседании Президиума Российской академии образования 31 марта 2010 г.⁶²

8. Сохранение и изменение культуры

Проблематика динамики культурной эволюции также обретает в работах В.С. Степина новое звучание.

Академик пишет, что по мере развития общества может изменяться не только смысл универсалий культуры, но и их набор. И то и другое влечет за собой изменения целостной системы. Возникновение новых видов человеческой активности приводит к расщеплению первичных универсалий и формированию новых категорий, которые укореняются в культуре. В качестве примеров приводится расщепление характерной для архаических обществ категории «любовь-дружба» на две самостоятельные категории, появление в российской культуре наряду с категорией «правда» категории «истина».

Преобразование общества и типа культуры предполагает изменение глубинных жизненных смыслов и ценностей, закрепленных в универсалиях культуры: «Переустройство общества всегда связано с революцией в умах, с критикой ранее господствовавших мировоззренческих ориентации и выработкой новых ценностей. Никакие крупные социальные изменения невозможны без измене-

ний в культуре». В эпохи, когда прежняя система базисных ценностей изменяется, возникает проблема идентификации, возникают вопросы: «Кто мы?», «Что нас объединяет?».

Усвоение смыслов и значений кодов культуры связано с активностью индивидов. В процессе жизнедеятельности они постоянно соотносят транслируемые в культуре программы с новым опытом и часто варьируют эти программы, вносят в них изменения. Включаясь в те или иные виды деятельности и решая социальные задачи, человек способен создавать новые образцы, нормы, идеи, верования и пр. При соответствии общественным потребностям эти новинки могут войти в культуру, программируют деятельность других людей. Тогда личный опыт превращается в социальный, в культуре появляются новые состояния и феномены, закрепляющие перемены. Изменения в культуре возникают благодаря творческой активности личности. Человек, будучи творением культуры, вместе с тем является и ее творцом.

Культура не является застывшим образованием. Она изменчива по своей сути. Как считает Вячеслав Семенович, в принципе «для бытия культуры и общества одинаково важны оба противоположных процесса — традиция и инновация, воспроизводство и творчество, как важны наследственность и изменчивость для существования биологических организмов»⁶³. Хотя над этой позицией в его теоретических построениях стоит поразмышлять особо... В теории культуры сегодня существует много интересных работ, рассматривающих взаимодействие традиций и новаций как сложный диалектический процесс. Назовем, например, докторскую диссертацию К.С. Пигрова⁶⁴, защищенную в ЛГУ в 1980-е гг. Константин Семенович обосновал тезис о том, что новое и общезначимое — диалектически взаимосвязанные противоположности. Если что-то понастоящему ново, то это не может быть воспринято обществом мгновенно. Всегда есть более консервативные, осторожные слои общества, проверяющие новации «на прочность». Когда же новация окончательно утверждает себя в культуре — она перестает быть новостью.

В 70-е годы советское общество буквально задыхалось под гнетом государственного консерватизма.

⁶³ Степин В.С. Культура // Новая философская энциклопедия: в 4-х тт. Т. 2. Е-М / науч.-ред. совет.: В.С. Степин и др. М., 2010. С. 346.

⁶⁴ Пигров К.С. Научно-техническое творчество: (социал.- филос. анализ): Автореф. дис. ... д-ра филос. наук. Л., 1985. 32 с.

⁶² Запесоцкий А. С. Культурология и педагогика: проблемы взаимосвязи // Вопросы культурологии. 2010. № 6. С. 4-9.

Все новое принималось властью в штыки. Тогда отечественные гуманитарии нередко были вынуждены доказывать, что новации — дело хорошее. Теперь же общество тонет в новациях, как в море нечистот. Люди старшего поколения нередко испытывают подсознательную неприязнь к новациям. И неслучайно Вячеслав Семенович в этой обстановке пишет, что культура — это не только творчество, изменяющее жизнь, но и воспроизводство социальной жизни на некоторых устойчивых основаниях.

Конечно, здесь следует иметь в виду, что в эволюции культуры существует некая цикличность: периоды застоев сменяются своего рода волнами, скачками. И на первый план попеременно выходят то традиции, то новации. В то же время этот процесс не всегда поддается однозначной интерпретации. К примеру, сегодня российскому обществу предлагается масса псевдоноваций. Самые яркие и броские идеи, введенные в социально-политический обиход властью за последние годы под видом новаций, могут показаться новыми только молодежи, незнакомой с политическим репертуаром Никиты Хрущева и Михаила Горбачева. А все то, что навязывает нам сегодня телевидение под видом гламура, имеет под собой идейные основы дохристианского варварства. Такое развитие российской культуры и ряд тенденций развития Запада заставляет многих усомниться в обязательности торжества прогресса.

Однако вернемся к теории культуры В.С. Степина. Говоря о процессах изменения культуры, автор обращает наше внимание на различных акторов, субъектов этих изменений. Еще раз подчеркнем: для того, чтобы изобретение вошло в культуру, оно должно быть воспринято социумом. В связи с этим можно говорить о том, что творцами культуры (и, разумеется, ее носителями) являются общности людей.

Говоря о больших общностях как субъектах исторического развития человечества, академик констатирует возникновение разных видов обществ, которым были присущи самобытные культуры. Их первоначальное взаимодействие (в древности) сегодня можно назвать медленным культурным обменом (диффузией культур), когда «заимствование отдельных достижений (знаний, образцов) не затрагивало ядра каждой культуры, представленной системой смыслов ее мировоззренческих универсалий»⁶⁵. В наше время взаи-

модействие культур стало интенсивнее. Процессы, связанные с развитием науки, систем образования, технологий производства, распространением информации, порождают трансформации фундаментальных ценностей культуры. В связи с этим речь уже идет не о диффузии, а о «диалоге культур».

На этом пути существуют как потери, так и достижения: «золотой век» российской культуры XIX столетия был бы невозможен вне модернизационных реформ Петра I: «На реформы Петра I Россия ответила гением Пушкина» (А. И. Герцен). Усилившееся взаимодействие культур породило достижения, составляющие ядро мировой культуры», — отмечает В.С. Степин⁶⁶.

О мировой культуре он говорит в двух смыслах: как об истории культуры человечества, в которой существовало множество самобытных культурных традиций, лишь часть которых сохранилась в наше время, и как о достижениях, признаваемых различными народами и включаемых в их культуру, становящихся общими. В качестве примеров академик приводит мировое признание творчества Ф.М. Достоевского, Л.Н. Толстого, А.П. Чехова, русского искусства и философии Серебряного века, русской науки конца XIX и XX вв., наряду с достижениями культуры европейских стран, Америки, стран Востока.

Разумеется, излагая свои взгляды на культуру в Новой философской энциклопедии, Вячеслав Семенович упоминает и об историческом процессе разделения культуры на элитарную (распространенную в соответствующих слоях общества) и массовую, народную.

Анализируя публикации В.С. Степина, можно прийти к выводу, что применительно к проблемам динамики культурного развития потенциал его теории культуры реализован пока все же недостаточно. О многих достойных внимания проблемах говорится бегло, как «об общих местах», для сохранения логики рассуждений. Упрекать за это ученого нельзя: он тратит время на то, что ему более интересно. И все же академик приближает нас к решению главной задачи культурологии — созданию общей картины «мира культуры», формированию целостного системно-структурного видения этого сложнейшего объекта, который с разных сторон, в разных фрагментах и аспектах изучают различные гуманитарные науки. Эта общая картина является, с одной стороны, формой синтеза знаний различных наук. С ней соотносятся

⁶⁵ Степин В.С. Культура // Новая философская энциклопедия: в 4-х тт. Т. 2. Е-М / науч.-ред. совет.: В.С. Степин и др. М., 2010. С. 346.

⁶⁶ Степин В.С. Культура // Вопросы философии. 1999. № 8. С. 70.

созданные концепции и модели различных областей и феноменов культуры, и она содержит потенциал будущего развития. С другой — она выступает как исследовательская программа для построения новых конкретных концепций и моделей. Она очерчивает круг актуальных проблем, по-новому переформулируя уже известные проблемы, ставит новые задачи и намечает подходы к их решению. Разумеется, всего этого многообразия проблем и конкретных задач В.С. Степин решать не берется, да и не под силу это одному исследователю. И нам остается только работать самим, пытаясь применить степинскую методологию в исследовании интересующих нас проблем...

9. Культура и цивилизация

Однако ситуация меняется, когда речь заходит о вопросе, который Вячеслав Семенович, судя по всему, считает центральным как в проблематике динамики культур, так и в отношении типологии культур. Речь идет о принципиальном разграничении в качестве основных следующих двух типов: традиционалистских и современных культур. Последние В.С. Степин называет «техногенными». Сам академик отмечает, что различие этих типов хорошо известно, общепринято в мировой литературе, и ссылается на идеи П. Сорокина⁶⁷, а также на Ю. Хабермаса⁶⁸ и его единомышленников, именующих современную культуру Запада «проектом модерна».

Конечно, сам факт различия хорошо известен, но в чем его суть? В поисках ответа на этот вопрос В.С. Степин совершает настоящий научный прорыв, тем более очевидный, что затронутым оказывается как бы один из центральных «болевых нервов» нашей эпохи. Дело в том, что практически все мировое сообщество сегодня вовлечено в спор о сути культурных различий Запада и «неЗапада». В этой полемике культурология, начиная с публикации знаменитой (а некоторые уже говорят — пресловутой) книги С. Хантингтона «Столкновение цивилизаций»⁶⁹, оказывается неразрывно переплетена с большой политикой, мировой дипломатией, экономическими интересами государств, дискуссиями о национальном самоопределении и путях развития, ведущимися во многих странах

мира. Будь то США, страны Европейского Союза, Бразилия, Россия, Индия, Китай, арабский мир или Южная Корея, Япония и т.д. Желающие основательно вникнуть в эту проблематику обычно читают журнал «Россия в глобальной политике». Мне же представляется уместным порекомендовать и сборники публикаций Международных Лихачевских научных чтений с 2007 года по настоящее время⁷⁰, выпущенные СПбГУП, а также «Декларацию прав культуры», разработанную у нас в Университете в 1995 году под руководством Дмитрия Сергеевича Лихачева⁷¹.

Дискуссия о различиях национальных культур ведется давно и отражена в огромной по объему литературе. Очень часто она перерастает в скандал, когда наука отступает под напором тех или иных политических интересов, и разговор о различиях переходит в спор о «преимуществах» и «недостатках». Но наука все же движется вперед. И В.С. Степиным в данном направлении были достигнуты принципиально новые результаты. Он увидел более глубокие корни культуры, нежели национальные особенности. Обосновав особую роль в фундаменте, ядре культуры универсалий, он весьма убедительно показал, чем различаются в традиционалистской и техногенной культурах понимания природы, человека, деятельности и санкционирующих ее ценностей, власти и т.д.

Выявленные различия оказались столь значительными, что Вячеслав Семенович счел их самыми большими, принципиальными во всей истории развития мировой культуры. Хорошо известно, например, что этнические различия между культурами Индии, Китая, Западной Европы и арабского мира в древности были огромны. Но ученый полагает различия между традиционалистскими и техногенными культурами еще более важными. Чтобы это подчеркнуть, он присваивает этим типам культур статус основных цивилизаций — «типов цивилизационного развития». То есть каждому желающему составить типологию культур «по Степину», надо в начале разделить их на два класса. И потом внутри каждого класса посмотреть, что отличает, например, традиционалистские культуры Древнего Китая и Древней Индии или что отличает современные культуры Северной и Южной Кореи. При этом

⁶⁷ Сорокин П.А. Социальная и культурная динамика. СПб., 2000. 1054 с.

⁶⁸ Хабермас Ю. Философский дискурс о модерне. М., 2008. 416 с.

⁶⁹ Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М., 2007. 573 с.

⁷⁰ Диалог культур в условиях глобализации: XII Междунар. Лихачевские науч. чтения, 17-18 мая 2012 г.: в 2-х тт. Т. 1-2. СПб., 2012.

⁷¹ Лихачев Д.С. Декларация прав культуры: (проект). СПб., 1995. 15 с.

окажется, что есть культуры, находящиеся в определенных периоды времени в состоянии перехода от традиционалистских к техногенным, и т.д.

Замечу, что в принципе термин «цивилизация» относится, на мой взгляд, к ряду самых размытых в отечественном социально-гуманитарном знании. Это связано с существенно различными историями его попадания в английский, французский и немецкий языки из латинского. За последние примерно 150 лет в каждом из названных ведущих европейских языков сложились различные традиции употребления данного термина. И из всех этих языков термин перемещался в российские дискуссии вместе с переводами исходных контекстов. Сложившаяся путаница усугубляется «цеховыми» традициями в разных областях знания. Например, своя, совершенно особенная практика понимания «цивилистики» сложилась у юристов.

Тем не менее можно выделить три основных смысла употребления термина, противоречащих друг другу. Первый — синонимичный культуре. Второй — понимание цивилизации как современного этапа развития культуры или, поскольку в пространстве культуры новое сосуществует со старым, некоей новой части ее современного бытия. В его рамках рождается противопоставление цивилизации как современного периода развития культуры варварству как раннему этапу и дикости как исходному доисторическому отсутствию культуры. В качестве примера приведу недавно вышедшую книгу крупного отечественного философа Н.В. Мотрошиловой «Цивилизация и варварство в эпоху глобальных кризисов»⁷². Нелли Васильевна понимает под варварством ситуацию, при которой природно-биологические предпосылки человеческой деятельности являются господствующими, и пишет, что варварство до сих пор является спутником, оборотной стороной цивилизации. Примеров подобного употребления терминов — множество. В то же время в ряде популярных течений философской мысли за термином «цивилизация» оставляют технические достижения из материальной сферы деятельности человека, противопоставляя им дух, духовную сферу культуры. При таком подходе культура делится на своего рода «тело» и «душу». Как правило, увлечение материальной стороной жизни подвергается критике как культура «общества потребления»⁷³.

⁷² Мотрошилова Н.В. Цивилизация и варварство в эпоху глобальных кризисов. М., 2010. 480 с.

⁷³ Бодрийяр Ж. Общество потребления: его мифы и структуры. М., 2006. 268 с.

Академик говорит об этом следующим образом: критика современной западной цивилизации и происшедших в ходе ее развития изменений в культуре породила тезис об оппозиции культуры и цивилизации. В этот тезис вкладывались разные смыслы. Одним из первых его выдвинул немецкий социолог Ф. Тённис. Он отмечал, что индустриальное общество разрушает традиционные отношения людей, основанные на семейно-клановых связях, душевной склонности, сопереживании, заменяя их вещными отношениями и утилитарным расчетом. Традиционные связи Тённис рассматривал как духовные, а духовное определял в качестве культуры, противопоставляя ее цивилизации. Сходную позицию отстаивал Шпенглер, определяя культуру как органическое, творческое духовное в противовес цивилизации как утилитарному технологическому, материальному. В несколько ином аспекте эту точку зрения развивал Г. Маркузе⁷⁴. Критикуя современную цивилизацию за возрастающие масштабы отчуждения, манипуляции сознанием и порождение «одномерного человека» массовой культуры, он проводил различие культуры и цивилизации. Культуру как «духовный праздник» он противопоставлял цивилизации как «унылой повседневности», ориентированной на материальную выгоду и достижение материального комфорта. Противопоставление цивилизации и культуры во всех этих концепциях основано на узком понимании культуры как совокупности ценностей высшего духовного творчества и на узком понимании цивилизации как системы различных технологий, повышающих материальное благосостояние людей. Но в более широком смысле, при рассмотрении цивилизаций как различных типов общества, культура и цивилизация, по мнению В.С. Степина, неразрывны. В этом же значении использовал понятие цивилизации известный историк А. Тойнби.

Четвертый подход оставляет термин «цивилизация» только за типами больших культур, обладающих ярко выраженными признаками своеобразия и достигших высот развития. В этом смысле, например, говорят об ушедшей в прошлое цивилизации инков. В этом же смысле, как о культуре своеобразной, самоценной, достигшей высот развития, пишет Е.М. Примаков об арабской цивилизации: «...характерно диалектическое единство между взаимопроникновением европей-

⁷⁴ Маркузе Г. Эрос и цивилизация: философское исследование учения Фрейда. Киев, 1995. 314 с.

ской и арабской, шире — цивилизациями Запада и Востока и периодическими столкновениями между ними. Само название “химия” взято из арабского слова “аль-кимийя”. Самой известной медицинской работой в средневековой Европе был труд “Ал-Канун” (“Закон”) Ибн Сины (Авиценны). Труды Аристотеля сохранились благодаря их переводу на арабский язык»⁷⁵.

Вячеслав Семенович дает свой обзор понятия «цивилизация» в статье «Философия и эпоха цивилизационных перемен», опубликованной в журнале «Вопросы философии» в феврале 2006 года. Он подчеркивает: «Я буду рассматривать под термином “цивилизация” некоторый целостный социальный организм, предполагающий определенный тип культуры»⁷⁶.

Список литературы:

1. Батищев Г.С. Введение в диалектику творчества. СПб., 1997. 463 с.
2. Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. Киев, 1994. 509 с.
3. Бодрийяр Ж. Общество потребления: его мифы и структуры. М., 2006. 268 с.
4. Буева Л.П. Человек : деятельность и общение. М., 1978. 216 с.
5. Гегель Г.Ф. В. Соч.: в 4 т. М., 1959. Т. 4: Система наук. Ч. 1: Феноменология духа. 440 с.
6. Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. М., 1984. 350 с.
7. Данилевский Н.Я. Россия и Европа: Взгляд на культурные и политические отношения Славянского мира к Германо-Романскому. М., 2003. 639 с.
8. Диалог культур в условиях глобализации: XII Междунар. Лихачевские науч. чтения, 17-18 мая 2012 г.: в 2 т. Т. 1-2. СПб., 2012.
9. Запесоцкий А.С. Культурология Дмитрия Лихачева. СПб., 2007. 528 с.
10. Запесоцкий А.С. Культурология и педагогика: проблемы взаимосвязи // Вопросы культурологии. 2010. № 6. С. 4-9.
11. Запесоцкий А.С. Метаморфозы СМИ: новое качество или новые болезни // Социологические исследования. 2010. № 7. С. 7-17.
12. Запесоцкий А.С. Ороли интеллигенции в жизни страны // Вестник Европы. 2009. Т. XXVI-XXVII. С. 239-250.
13. Запесоцкий А.С. Традиции и новации в культуре молодежи // Стиль и традиции в развитии культуры. Л., 1989. С. 86-93.
14. Запесоцкий А.С., Файн А.П. Эта непонятная молодежь: проблемы неформальных объединений. М., 1990. 224 с.
15. Ильенков Э.В. Диалектическая логика: очерки истории и теории. М., 1984. 320 с.
16. История культурологии: учебник / под ред. А.П. Огурцова. М., 2006. 383 с.
17. Каган М.С. Человеческая деятельность (опыт системного анализа). М., 1974. 328 с.
18. Кассирер Э. Опыт о человеке : введение в философию человеческой культуры // Проблема человека в западной философии: сб. / общ. ред. Ю.Н. Попова. М., 1988. С. 3-30.
19. Кравченко А.И. Культурология: учеб. пособие для вузов. М., 2010.
20. Куда идет российская культура?: круглый стол, 27-28 июня 2009 г. / науч. ред. В.С. Степин, А.С. Запесоцкий. СПб., 2010. 146 с.
21. Кьеркегор С. Страх и трепет : этич. трактаты. М., 1998. 383 с.
22. Лекторский В.А. Субъект. Объект. Познание. М., 1980. 359 с.
23. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность: учеб. пособие. М., 2005. 346 с.
24. Лихачев Д.С. Декларация прав культуры: (проект). СПб., 1995. 15 с.
25. Лосев А.Ф. Проблема символа и реалистическое искусство. М., 1976. 367 с.
26. Лотман Ю.М. Проблема знака и знаковой системы и типология русской культуры XI-XIX веков // Лотман Ю.М. Семиосфера. СПб, 2010.
27. Маклюэн М. Галактика Гутенберга : становление человека печатающего. М., 2005. 495 с.
28. Маркс К. Капитал. Т. 1-3 // URL: <http://www.esperanto.mv.ru/Marksismo/Kapital1/index.html>; <http://www.esperanto.mv.ru/Marksismo/Kapital2/index.html>; <http://www.esperanto.mv.ru/Marksismo/Kapital3/index.html> (дата обращения: 05.12.2012).

⁷⁵ Примаков Е.М. Мир без России?: к чему ведет политическая близорукость М., 2009. С. 91.

⁷⁶ Степин В.С. Философия и эпоха цивилизационных перемен // Вопросы философии. 2006. № 2. С. 17.

29. Маркузе Г. Эрос и цивилизация : философское исследование учения Фрейда. Киев, 1995. 314 с.
30. Мотрошилова Н. Цивилизация и варварство в эпоху глобальных кризисов. М., 2010. 480 с.
31. Ницше Ф. Соч.: в 2 т. М., 1990.
32. Новая философская энциклопедия: в 4 т. Т. 1-4. / Ин-т философии Рос. акад. наук, Нац. обществ.-науч. фонд; науч.-ред. совет.: В.С. Степин и др. М., 2010.
33. Огурцов А.П., Юдин Э.Г. Деятельность // БСЭ / гл. ред. А.М. Прохоров. М., 1972. Т. 8 : Дебитор-Евкалипт. С. 180-181.
34. Петров М.К. Язык. Знак. Культура. М., 1991. 328 с.
35. Пигров К.С. Научно-техническое творчество : (социал.-филос. анализ): автореф. дис. ... д-ра филос. наук. Л., 1985. 32 с.
36. Примаков Е.М. Мир без России? : к чему ведет политическая близорукость М., 2009.
37. Российская философия продолжается: из XX века в XXI / под ред. Б.И. Пружинина. М., 2010. 446 с.
38. Сорокин П.А. Социальная и культурная динамика. СПб., 2000. 1054 с.
39. Степин В.С. Культура // Вопросы философии. 1999. № 8. С. 61-71.
40. Степин В.С. Культура // Новая философская энциклопедия: в 4 т. Т. 2. Е-М / науч.-ред. совет.: В.С. Степин и др. М., 2010. С. 341-347.
41. Степин В.С. Философия // Новая философская энциклопедия: в 4 т. Т. 4. Т-Я. М., 2010. С. 195-200.
42. Степин В.С. Философия и универсалии культуры. СПб., 2000. 20 с.
43. Степин В.С. Философия и эпоха цивилизационных перемен // Вопросы философии. 2006. № 2. С. 16-26.
44. Степин В.С. Философская антропология и философия науки. М., 1992. 191 с.
45. Теория культуры : учеб. пособие / ред. С.Н. Иконникова, В.П. Большаков. СПб., 2008. 591 с.
46. Тойнби А.Дж. Постижение истории. М., 2002. 640 с.
47. Фрейд З. Психология бессознательного. СПб., 2004. 400 с.
48. Хабермас Ю. Философский дискурс о модерне. М., 2008. 416 с.
49. Хайдеггер М. Время и бытие. М., 1993. 447 с.
50. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М., 2007. 573 с.
51. Швырев В.С. Научное познание как деятельность. М., 1984. 232 с.
52. Шпенглер О. Закат Европы: очерки морфологии мировой истории. Т. 1: Гештальт и действительность. М., 1993. 667 с.
53. Щедровицкий Г.П. Избранные труды = Selected works. М., 1995. 759 с.
54. Щепаньский Я. Элементарные понятия социологии. М., 1969. 242 с.
55. Юдин Э.Г. Методология науки. Системность. Деятельность. М., 1997. 444 с.
56. Юнг К. Человек и его символы. М., 1997. 367 с.

References (transliteration):

1. Batishchev G.S. Vvedenie v dialektiku tvorchestva. SPb, 1997. 463 s.
2. Bakhtin M.M. Problemy poetiki Dostoevskogo. Kiev, 1994. 509 s.
3. Bodriyyar Zh. Obshchestvo potrebleniya : ego mify i struktury. M., 2006. 268 s.
4. Bueva L.P. Chelovek : deyatel'nost' i obshchenie. M., 1978. 216 s.
5. Gegel' G.F.V. Sochineniya: v 4 t. M., 1959. T. 4: Sistema nauk. Ch. 1: Fenomenologiya dukha. 440 s.
6. Gurevich A.Ya. Kategorii srednevekovoy kul'tury. M., 1984. 350 s.
7. Danilevskiy N.Ya. Rossiya i Evropa: Vzglyad na kul'turnye i politicheskie otnosheniya Slavyanskogo mira k Germano-Romanskomu. M., 2003. 639 s.
8. Dialog kul'tur v usloviyakh globalizatsii : XII Mezhdunar. Likhachevskie nauch. chteniya, 17-18 maya 2012 goda: v 2 t. T. 1-2. SPb, 2012.
9. Zapesotskiy A.S. Kul'turologiya Dmitriya Likhacheva. SPb, 2007. 528 s.
10. Zapesotskiy A.S. Kul'turologiya i pedagogika: problemy vzaimosvyazi // Voprosy kul'turologii. 2010. № 6. S. 4-9.
11. Zapesotskiy A. S. Metamorfozy SMI: novoe kachestvo ili novye bolezni // Sotsiologicheskie issledovaniya. 2010. № 7. S. 7-17.
12. Zapesotskiy A.S. O roli intelligentsii v zhizni strany // Vestnik Evropy. 2009. T. XXVI-XXVII. S. 239-250.
13. Zapesotskiy A.S. Traditsii i novatsii v kul'ture molodezhi // Stil' i traditsii v razvitii kul'tury. L., 1989. S. 86-93.

14. Zapesotskiy A.S., Fayn A.P. Eta neponyatnaya molodezh': problemy neformal'nykh ob'edineniy. M., 1990. 224 s.
15. Il'enkov E.V. Dialekticheskaya logika: ocherki istorii i teorii. M., 1984. 320 s.
16. Istoriya kul'turologii : uchebnik /pod red. A. P. Ogurtsova. M., 2006. 383 s.
17. Kagan M.S. Chelovecheskaya deyatel'nost' (opyt sistemnogo analiza). M., 1974. 328 s.
18. Kassirer E. Opyt o cheloveke : vvedenie v filosofiyu chelovecheskoy kul'tury // Problema cheloveka v zapadnoy filosofii: sb. / obshch. red. Yu. N. Popova. M., 1988. S. 3-30.
19. Kravchenko A.I. Kul'turologiya: ucheb. posobie dlya vuzov. M., 2010.
20. Kuda idet rossiyskaya kul'tura?: kruglyy stol, 27-28 iyunya 2009 g. / nauch. red. V.S. Stepin, A.S. Zapesotskiy. SPb, 2010. 146 s.
21. K'erkegor S. Strakh i trepet: etich. traktaty. M., 1998. 383 s.
22. Lektorskiy V.A. Sub'ekt. Ob'ekt. Poznanie. M., 1980. 359 s.
23. Leont'ev A.N. Deyatel'nost'. Soznanie. Lichnost': ucheb. posobie. M., 2005. 346 s.
24. Likhachev D.S. Deklaratsiya prav kul'tury: (proekt). SPb, 1995. 15 s.
25. Losev A.F. Problema simvola i realisticheskoe iskusstvo. M., 1976. 367 s.
26. Lotman Yu. M. Problema znaka i znakovoy sistemy i tipologiya russkoy kul'tury XI-XIX vekov // Lotman Yu.M. Semiosfera. SPb, 2010.
27. Maklyuen M. Galaktika Gutenberga : stanovlenie cheloveka pechatayushchego. M., 2005. 495 s.
28. Marks K. Kapital. T. 1-3 // URL: <http://www.esperanto.mv.ru/Marksismo/Kapital1/index.html>; <http://www.esperanto.mv.ru/Marksismo/Kapital2/index.html>; <http://www.esperanto.mv.ru/Marksismo/Kapital3/index.html> (data obrashcheniya : 05.12.2012).
29. Markuze G. Eros i tsivilizatsiya : filosofskoe issledovanie ucheniya Freyda. Kiev, 1995. 314 s.
30. Motroshilova N.V. Tsivilizatsiya i varvarstvo v epokhu global'nykh krizisov. M., 2010. 480 s.
31. Nitshe F. Sochineniya: v 2 t. M., 1990.
32. Novaya filosofskaya entsiklopediya: v 4 t. T. 1-4 / In-t filosofii Ros. akad. nauk, Nats. obshchestv.-nauch. fond; nauch.-red. sovet.: V.S. Stepin i dr. M., 2010.
33. Ogurtsov A.P., Yudin E.G. Deyatel'nost' // BSE / gl. red. A.M. Prokhorov. M., 1972. T. 8: Debitor–Evkalipt. S. 180-181.
34. Petrov M.K. Yazyk. Znak. Kul'tura. M., 1991. 328 s.
35. Pigrov K.S. Nauchno-tekhnicheskoe tvorchestvo: (sotsial.-filos. analiz): Avtoref. dis. ... d-ra filos. nauk. L., 1985. 32 s.
36. Primakov E.M. Mir bez Rossii? : k chemu vedet politicheskaya blizorukost' M., 2009.
37. Rossiyskaya filosofiya prodolzhaetsya: iz XX veka v XXI / pod red. B. I. Pruzhinina. M., 2010. 446 s.
38. Sorokin P.A. Sotsial'naya i kul'turnaya dinamika. SPb, 2000. 1054 s.
39. Stepin V.S. Kul'tura // Voprosy filosofii. 1999. № 8. S. 61-71.
40. Stepin V.S. Kul'tura // Novaya filosofskaya entsiklopediya : v 4 t. T. 2. E-M / nauch.-red. sovet.: V.S. Stepin i dr. M., 2010. S. 341-347.
41. Stepin V.S. Filosofiya // Novaya filosofskaya entsiklopediya: v 4 t. T. 4. T-Ya. M., 2010. S. 195-200.
42. Stepin V.S. Filosofiya i epokha tsivilizatsionnykh peremen // Voprosy filosofii. 2006. № 2. S. 16-26.
43. Stepin V.S. Filosofiya i universalii kul'tury. SPb, 2000. 20 s.
44. Stepin V.S. Filosofskaya antropologiya i filosofiya nauki. M., 1992. 191 s.
45. Teoriya kul'tury : ucheb. posobie / red. S.N. Ikonnikova, V. P. Bol'shakov. SPb, 2008. 591 s.
46. Toynbi A. Dzh. Postizhenie istorii. M., 2002. 640 s.
47. Freyd Z. Psikhologiya bessoznatelnogo. SPb, 2004. 400 s.
48. Khabermas Yu. Filosofskiy diskurs o moderne. M., 2008. 416 s.
49. Khaydegger M. Vremya i bytie. M., 1993. 447 s.
50. Khantington S. Stolknovenie tsivilizatsiy. M., 2007. 573 s.
51. Shvyrev V.S. Nauchnoe poznanie kak deyatel'nost'. M., 1984. 232 s.
52. Shpengler O. Zakat Evropy: ocherki morfologii mirovoy istorii. T. 1: Geshtal't i deystvitel'nost'. M., 1993. 667 s.
53. Shchedrovitskiy G.P. Izbrannye trudy = Selected works. M., 1995. 759 s.
54. Shchepan'skiy Ya. Elementarnye ponyatiya sotsiologii. M., 1969. 242 s.
55. Yudin E.G. Metodologiya nauki. Sistemnost'. Deyatel'nost'. M., 1997. 444 s.
56. Yung K. Chelovek i ego simvol. M., 1997. 367 s.